

Кир Булычев
...и другие

*

Кир Булычев
КАК ЕГО УЗНАТЬ?

**

Мак Рейнольдс
НЕРОЖДЕННОЕ ЗАВТРА

Кир Булычев
КАК ЕГО УЗНАТЬ?

Над городом Великий Гусляр гремели громкоговорители, исполняя жизнерадостные песни. Солнце прорывалось сквозь облака. Пионеры в белых рубашонках пробегали туда и сюда. Горожане потоками текли под транспарантами и лозунгами, вытянутыми поперек улиц. Автобусы из-под приезжих гостей выстроились в ряд на площади, где раньше стояли торговые ряды, а теперь сквер и покрытый брезентом памятник землепроходцам. Сегодня, в день семисотпятидесятилетия города, памятник будет торжественно открыт.

Жильцы дома шестнадцать сидели во дворе вокруг стола, расшатавшего игрой в домино, поджидали, пока жены кончат прихорашиваться, беседовали о прошлом и настоящем.

Корнелий Удалов, в белой рубашке и синем галстуке, причесанный на косоу пробор, чтобы прикрыть лысину, оспаривал мнение Погосяна, что есть города лучше Гусляра.

— Например, Ереван, — говорил Погосян. — Две тысячи лет! Три тысячи лет! Пять тысяч лет на одном месте!

— Не в цифрах дело, — возражал Удалов. — Иван Грозный чуть было сюда столицу из Москвы не перевел.

— Неглупый человек был, — упорствовал Погосян. — Передумал.

— Опричники помешали.

— Я и говорю — разве опричники глупые были?

— Трудно с тобой разговаривать, — сознался Удалов. — Плохой ты патриот нашего родного города.

Старик Ложкин, в черном костюме, грудь в медалях и значках, согласился с Удаловым. Он обвел рукой вокруг и сказал:

— Недаром наши предки называли Гусяр Великим.

— Сами жили, сами и назвали. Ереван никто великим не называл. Зачем называть? Каждая собака знает, — нашелся Погосян.

Разговор перешел на частности. Саша Грубин, который по случаю праздника причесался и побрился, слушал их, слушал и наконец вроде бы без отношения к разговору сказал:

— А славно бы заснуть и проснуться через двести лет. И поглядеть на наш Гусяр в отдаленном будущем.

Соседи прервали спор, подумали и согласились с Грубиным.

— С другой стороны, — сказал Удалов. — На двести лет назад тоже неплохо.

— Бери уж все семьсот, — сказал на это Василь Васильич. — Прибыл в древность, вокруг люди с ко-

пьями и стрелами, платят налоги древнему городу Киеву.

— Или татаро-монгольским захватчикам, — поправил Ложкин.

— Пускай захватчикам. Медведи вокруг бродят, олени, кабаны, бойтуры. Самогон из меда гонят.

— Так бы тебе и дали попробовать медового самогона, — возразил Грубин. — Они бы тебя сразу узнали.

— Как? — удивился Василь Васильич.

Все засмеялись, а Ложкин ответил:

— По одежде бы узнали. И по акценту. Они же на другом языке говорили, на древнеславянском.

— И вместо меда получил бы мечом по шее, — подытожил Грубин.

— Ладно, ладно! — не сдался Василь Васильич. — Неужели полагаете, что я к ним без подготовки отправлюсь? Сначала я в Академию наук. Дайте, говорю, мне консультантов по древнеславянскому языку. Подчитаем, подработаем. Выдадут мне также из музея форму одежды. Тогда не отличат.

Василь Васильичу не поверили. Заговорили о путешествиях во времени. Кое-кто читал об этом в фантастической литературе. Кое-кто не читал, но слышал.

Вдруг Удалова посетила интересная идея.

— Пройдет каких-нибудь сто лет, — сказал он, — и станет такое путешествие обычной возможностью. Ведь для науки нет никаких преград. Туристы будут ездить, ученые, возникнет массовое передвижение, жизнь пойдет настолько интересная, что нам даже не

снилось. Нужно, допустим, школьникам узнать, как жили в Древнем Египте. Учитель нажимает на кнопку — и вот мы уже в гостях у царицы Клеопатры. Изучайте, дети, наше тяжелое прошлое.

— Вполне вероятно, — ответил Ложкин. — Только надо будет строго соблюдать правила движения. Я читал, что происходит, если нарушишь. Однажды в мезозойскую эру бабочку задавили, а в результате в Америке не того президента выбрали.

Помолчали. Подумали. Потом Грубин сказал:

— Это не вызывает сомнений. Если бы таких правил не соблюдали, то мы этих гостей из будущего уже не раз бы встречали. Как ни маскируйся, натура выдаст. Воспитание подведет, незнание какой-то мелочи, которая всем остальным известна. Откуда ему, к примеру, знать, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Шестое, — ответили хором Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— Вот видите, — обрадовался Грубин. — Вас не поймашь. А он бы не знал, потому что уже через сто лет соответствующие документы будут потеряны.

— И я не знаю, — сказал Ложкин. — Я даже не знаю, кто первое занимает.

— Сердобольский «Металлист», — пояснили Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— А я не знаю, — упорствовал Ложкин. — Я, значит, тоже путешественник во времени?

— Может быть, — сказал Погосян и посмотрел на Ложкина сурово. — Никому в этих вопросах доверять нельзя.

— Не беспокойся, Ложкин, — вмешался добрый Грубин. — Мы тебя знаем. В случае подтвердим где надо.

— Если кто не наш человек, так это жена погосяновская, Берта, — сказал на это Удалов. — Вчера моего Максимку за ухо драла. Свой человек так делать не будет.

— За дело, — сказал Погосян. — Стекло разбил. Не будет хулиганить.

— Если бы я пришельца из будущего встретил, — сказал Грубин, — я бы ему сразу задал два-три вопроса.

— Не видать тебе пришельца, — сказал Погосян. — Что может заинтересовать культурного человека в нашем городишке?

— Какое заблуждение! — воскликнул Ложкин. — На сегодняшний день наш город представляет общесоюзный интерес. С одной стороны, семьсот пятьдесят лет. С другой — открытие памятника, то есть отдали должное нашему славному прошлому. Гости со всех сторон. По радио из Москвы передавали. Я бы на месте потомков не сомневался, куда устроить экскурсию.

— Корнелий! — позвала из окна Ксения Удалова. — Мы готовы. Плащ брать будешь?

— Не буду.

— Дождя не намечается, — сказал старик Ложкин. — Я в газете читал. Там же написано, что писатель Пацхверия на торжество прибыл. С Камчатки делегация. Ткачиха Федорова-Давыдова. Ждут одного космонавта, но фамилию пока не сообщают. Это не считая туристов.

— Подумаешь, — сказал презрительно Погосян, чтобы оставить за собой последнее слово. В действительности он был пламенным патриотом Великого Гусяря, но об этом знали только его родственники в Ереване.

Старуха Ложкина спустилась во двор и спросила:

— Вечно будем прохлаждаться? Без нас начнут.

— Иду, чижик, — ответил Ложкин. — Мы тут беседу провели.

Они вышли со двора первыми. За ними потянулись остальные. Соседи сразу забыли о разговоре, лишь у Удалова он не шел из головы. И настолько его пора-

зила возможность встретить на улице гостя из будущего, что он начал с подозрением приглядываться к людям. И в людях обнаруживал странные черты, которых раньше не замечал и которые могли указывать на чужеродность, на маскировку.

Шел навстречу провизор Савич с женой, директором универмага. Казалось бы, давно знает Удалов Савичей, но сегодня лысина Савича блестела не по-нашему, и как-то неестественно держал он жену под руку. Может, Савича заслали? Но тут же Удалов сказал себе: нет. Вряд ли из-за одного праздника им стоило направлять резидента в Великий Гусярь. Ведь если Савича не подменили, то Удалов знает его лет двадцать. Подумав так, Удалов сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответили Савичи.

Прошли четыре физкультурника в голубой одежде. Физкультурники спешили на парад. Удалов понял, что гость из будущего может укрыться среди физкультурников, и тогда его трудно будет отыскать. Потом отбросил эту мысль. Сложно будет им в будущем подыскать такой костюм. А все настоящие костюмы на учете.

С каждым шагом Удалов все более убеждался — пришелец из будущего проник в Гусярь. И необходимо его отыскать, побеседовать по душам. Подумать только, никто до Удалова не выходил на улицу с целью обнаружить путешественника во времени среди

самых обычных людей. А новый, хоть и простой подход к проблеме может таить в себе открытие.

— Что с тобой, Корнелий, — спросила Ксения. — Ты чего отстаешь?

Корнелий посмотрел новыми глазами на Ксению и сына Максимку.

В них сомневаться вроде бы не приходилось. С ними все в порядке. Но Удалов ощутил, что между ним и семьей вырастает стена отчуждения. Мужчина, имеющий перед собой возвышенную цель, вынужден отдалиться от обыденных забот и интересов. На всякий случай, Удалов спросил жену:

— Ксюша, ты не знаешь случайно, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Спятил, — сказала уверенно Ксения.

— Шестое, папа, а что? — поинтересовался шустрый сын Максимка.

— Молодец, сынок, — сказал Корнелий. И устыдился своих сомнений.

— Все-таки что с тобой происходит? — спросила Ксения.

— Я думаю, — сказал Удалов.

— Что-то я за тобой этого давно не замечала, — ответила Ксения. — Под ноги смотри, споткнешься.

На краю площади стояли киоски с прохладительными напитками и сигаретами. Свежесколоченная трибуна возвышалась перед памятником, покрытым брезентом. Ксения задержалась, увидев Раису Семе-

новну, лечащего врача. Ей захотелось в неофициальной обстановке посоветоваться о последних анализах. Раиса Семеновна обиженно щурилась под очками, но на вопросы отвечала, потому что была связана клятвой Гиппократата. Удалов, пока суть да дело, купил бутылку пива и сел за столик с верхом из голубого пластика. Столики эти, вынесенные из столовой, образовали кафе на открытом воздухе.

За столиком сидели два шофера из автобуса, на которых приехали туристы. Шоферы ругали какого-то старшину на сто десятом километре. Удалов угостил шоферов сигаретами и тоже немного поругал старшину, которого в глаза не видел.

Но лишь малая часть сознания Удалова была занята беседой с шоферами. Глаза рыскали по площади, перескакивая с одной группы людей к другой, потому что времени терять было нельзя. Упустишь прищельца сегодня — никогда больше не поймаешь.

В проходе между столиками возник немолодой мужчина. Он держал в руке бутылку и стакан, двигался неуверенно, не мог найти, куда сесть. Что-то острое кольнуло Удалова в сердце. Шестое, седьмое, восьмое чувства приказали ему: «Удалов, спокойно. Это он».

— Садись к нам, — будто угадав мысли Удалова, сказал один из шоферов, которого звали Колей.

— Сердечно благодарю, — ответил с расстановкой мужчина и опустился на стул рядом с Удаловым.

И тут же маленькая, ничтожная, незаметная для других деталь бросилась Корнелию в глаза. Мужчина,

сядась, не подтянул брюк, как делает каждый человек, хранящий на брюках складку.

Лицо мужчины было слишком обычным. Не гладкое и не морщинистое. Словно маска. Под мышкой у мужчины был черный потрескавшийся портфель с медным замочком. Из портфеля торчал рукав красного свитера или кофты. Брюки были коротковаты, будто достались не по размеру. А между верхом высоких ботинок и низом штанин проглядывали клетчатые носки. Глаза прятались за дымчатыми очками.

Мужчина мог оказаться единственным шансом Удалова. Корнелий смотрел на его обычные бритые щеки и ждал, что скажет пришелец? Ведь не обратишься к человеку с вопросом: «Вы из какого века нашей эры?»

Турист пил пиво маленькими глотками и молчал.

— Ну как пиво? — спросил его шофер Коля.

— Гусярское «жигулевское», — добавил Удалов. — С дореволюционных времен известно.

— Знаю, — ответил коротко мужчина и улыбнулся застенчиво. — Давно собирался попробовать.

— А вы откуда будете? — спросил шофер Коля.

— Из Москвы, — ответил мужчина. — Специально приехал.

«Правильно, — подумал Удалов. — Вологду ему опасно упоминать. Могут найтись свидетели. А Москва большая».

— Едут же люди, — сказал шофер постарше. — Что вам, в Москве, своих памятников мало?

«Молодец, — подумал Удалов о шофере. — Играет на руку».

— Памятники бывают разные, товарищ, — ответил мужчина. — Я много лет изучаю историю русского Севера, освоение Урала и Сибири. Этот памятник говорит о многом. Я давно ждал его открытия. Но никак раньше выбраться не удавалось.

— А выбрали бы — памятника не увидели.

Но путешественника во времени нелегко было застать врасплох. Он ответил сразу и почти без акцента:

— Я бы и раньше увидел памятник, потому что его должны были установить много лет назад. Так что в моем воображении он уже существовал.

— Увлеченность — дело хорошее, — сказал старший шофер. — Я пойду еще пива возьму. Наша группа здесь на ночь останется. Так что старшина нипочем.

— Спасибо, мне больше пива не надо, — сказал пришелец, но по глазам шофера понял, что намерения у них твердые, и достал из кармана десятку.

Он еще только сунул руку в карман, а Удалов уже знал, какой будет эта десятка — новенькой, без единой морщинки. А если взять бумагу на анализ, окажется, что изготовлена она не сегодня, а позавтра.

Шофер денег с путешественника во времени, разумеется, не взял, принес полдюжины бутылок, и пришлось путешественнику, когда пиво кончилось, сходить к киоску и принести еще четыре бутылки.

— Ну и как? — спросил Удалов, когда, покачиваясь от выпитого, мужчина вернулся к столику. — Продавщица ничего не заметила?

— А чего она должна была заметить? — спросил мужчина и вперился в Удалова пронзительными глазами из-под очков. Удалов смешался.

— Я так, — сказал он. — Пошутил.

— На какую тему вы изволили шутить?

Ну и характер у этих людей будущего, подумал про себя Удалов, но вслух ничего не высказал, а отшутился.

— Анекдот такой есть, — сказал он. — Будто решили двое фальшивые деньги делать. Сделали четырехрублевую бумажку. Думали, где бы разменять, пошли к соседу. Он им и дал взамен две бумажки по два рубля.

Никто не засмеялся. Только шофер постарше спросил:

— Разве по четыре рубля бумажки бывают?

— Нет, — твердо ответил путешественник во времени. — Я точно знаю, что советское казначейство не выпускало и не выпускает купюр по два и четыре рубля.

— За здоровье министра финансов! — предложил Коля. — Чтоб он и дальше нас не путал, выдавал зарплату десятками.

— Новенькими, — вставил Удалов.

— Нам что новенькими, что старенькими, — ответил Коля.

— Ах, вот вы о чем? — сообразил мужчина. — У меня новеньких бумажек много. Перед отъездом премию получил.

Он вынул из кармана пачку денег. Бумажек двадцать, свежих, блестящих.

— Мне вот такими выдали.

— Где? — быстро спросил Удалов.

Но ответить помешали шоферы.

— Чего к человеку привязался? — спросил Коля. — Где надо, там и выдали. Не наше дело.

Пришелец из будущего смотрел на Удалова с неприязнью, хмурился. Разоблачения ему не нравились. «Ничего, припррем тебя к стенке, — думал Удалов. — Найдем аргументы».

На трибуне перед памятником появились руководители города и почетные гости. Товарищ Белосельский подошел к микрофону. Люди прислушались.

— Я пойду. Спасибо, — сказал пришелец.

— Я с вами, — сказал Удалов.

— Обойдусь без вашей компании, — ответил мужчина, блеснул очками и стал бочком, как краб, протискиваться поближе к трибуне.

— Отстань ты от него, — сказал шофер Коля. — Пускай себе гуляет.

— Надо, — отрезал Удалов. — Не наш он человек.

И тут же пожалел, что проговорился. Шоферы сразу заинтересовались.

— В каком смысле не наш? — спросил старший. — Ты, брат, не темни, откройся.

— Есть у меня подозрения, — сказал Удалов и нырнул в толпу вслед за пришельцем. В голове ощущался звон от выпитого пива, хотелось прилечь на травку,

но сделать этого было нельзя, потому что до полного разоблачения оставался один шаг.

— Корнелий! — крикнула Ксения, разглядев в толпе его лысину. — Ты куда?

К счастью, товарищ Белосельский взмахнул рукой, грянул духовой оркестр, рухнул брезент, обнаружив под собой бронзовую фигуру землепроходца.

Удалов ввинчивался в толпу, стараясь не потерять направления, в котором скрылся упрямый гость из будущего.

И вдруг Удалов уперся в спину пришельца. Тот не заметил приближения преследователя, потому что был занят. Записывал сведения в книжечку. Удалов деликатно ждал, пока мужчина кончит записывать, потому что бежать тому было некуда.

Наконец начались речи, пришелец спрятал книжечку в портфель, и тут Удалов легонько тронул его за плечо.

— Вы здесь? — удивился мужчина. — Что вам нужно?

— Чтобы вы во всем сознались, — прямо сказал Удалов.

— Вы меня удивляете, — ответил пришелец и попытался углубиться в толпу.

Но Удалов крепко держал его за полу пиджака.

— Поймите, — сказал Удалов. — Вы там должны быть гуманными и разумными. Так что раз попался — поговорим.

— С чего вы решили, что мы там гуманные и разумные? — удивился пришелец. — Где вы об этом прочитали?

— Предполагаю, — ответил Удалов. — Иначе нету смысла жить на свете.

— Благородный образ мыслей, — сказал пришелец. — Но ко мне это не относится. Я эгоистичный человек, проживший без пользы большую часть жизни, любящий деньги и не любящий собственную жену. Уверю вас, что это чистая правда.

— Ладно, ладно, везде бывают моральные уроды. В порядке исключения, — сказал Удалов. — Хотел бы я к вам приехать.

— Ну и приезжайте, — сказал пришелец.

— Ну и приеду.

— Поселиться? — спросил пришелец.

— Да. Или на время.

— Многие хотят, — сказал пришелец.

Произошла пауза. Удалову хотелось еще чего-нибудь сказать, проявить гостеприимство, наладить отношения.

— А у нас здесь тоже места хорошие, — сказал Удалов. — Окрестности просто изумительные. Лес, холмы, охота на тетерева.

— Охота — жестокое занятие, — сказал гость из будущего. — Животных надо охранять, стремиться к пониманию, а не истреблять.

— Правильно, — поддержал его Удалов, который на прошлой неделе собрался было на охоту, да про-

спал, без него охотники ушли. — Совершенно с вами согласен. Вот только если с удочкой посидеть...

— А какая разница? — строго спросил пришелец. — Рыбе разве не хочется жить?

— Ой как хочется, — сказал Удалов.

Наступила пауза. Контакт не получался. Мужчина рассеянно прислушивался к речам и поводил взглядом вокруг, будто разыскивал в толпе разреженность, хотелось сбежать.

— Но многие порядочные люди, — напелся наконец Удалов, — были страстными охотниками. Возьмите, к примеру, Тургенева. Это писатель прошлого века, автор книги «Записки охотника».

— Читал, — сказал пришелец. — И все-таки хладнокровное убийство живого существа аморально.

— Верующий он, что-ли? — раздался голос за спиной Удалова.

Обернувшись, Удалов увидел шофера Колю, который, движимый любопытством и желанием помочь Корнелию в охоте на постороннего человека, пробился к трибуне и слышал весь разговор.

Пришелец блеснул очками на Колю и сказал с обидой:

— Если вы хотите узнать, есть ли у меня идеалы, — отвечу, что нет.

— Сам, наверное, свиную отбивную уважает, — сказал Коля Удалову, достал пачку «Беломора», закурил. — А возражает против животноводства.

Бороться с двумя соперниками зараз пришельцу из будущего было не под силу. Он извернулся с ловко-

стью, неожиданной у такого пожилого человека, проскочил под локтем у соседа и замелькал в толпе, удаляясь к краю площади. Удалов рванулся было за ним, но шофер Коля, перебравший пива, пыхнул дымом в лицо Корнелию и потребовал:

— Ты не крути, не рвись за человеком. Ты лучше объясни, что в нем такого? Я сам чувствую — не то, а сформулировать не могу.

— Да это так, личное, — попытался уйти от ответа Удалов.

— Нет, не пойдет, — ответил Коля. — Выкладывай.

Он крепко держал Удалова за грудки, люди вокруг стали оглядываться, и тогда, опасаясь скандала, Удалов сказал:

— Выйдем отсюда.

— Выйдем, — согласился Коля.

Они выбрались из толпы. Пиво булькало в голове. Пришельца не было видно. Погоня за человеком из будущего не удалась.

И Удалов, взяв у Коли папиросу, рассказал ему честно, как на духу, о своих подозрениях.

Коля оказался неглупым парнем. Он основную идею понял, хотя и отнесся к ней критически. Возражения у него были, как у Погосяна:

— С чего это из будущего являться в Гуслияр, хоть и в праздник?

— Ничего ты не понимаешь, — сказал Удалов, приклоняясь к широкой, чуть пахнувшей бензином груди шофера. — Хоть ты мне и друг, но не понимаешь, ка-

кой мы с тобой сегодня шанс упустили. Мы бы у него все узнали.

Коля посмотрел на Удалова сочувственно, столкнул на затылок эстонскую восьмиугольную фуражку, сплюнул окурок и сказал:

— А ты, друг, не расстраивайся. Если нужно, твой Коля всегда кого надо к стенке прижмет. Он тебя обидел? Обидел, не возражай. Мы его найдем и припррем. Ты только Николаю скажи, и припррем. Пошли поймем этого шпиона.

Друг Николай шел впереди не очень уверенными широкими шагами, Удалов семенил сзади и бормотал:

— Ты не так понял, Коля. Он меня не обидел. С ним так нельзя...

— Не отставай, — сказал Коля. — Его давно разыскивают. В книжечку записывал, а мяса не ест. Сейчас мы у него все узнаем. Не отвертится.

Пришелец из будущего убежал к реке, к большому собору. Там присел на зеленую скамейку в сквере и снова раскрыл записную книжку. Отсюда площадь была не видна, лишь глухой гул и отдельные слова ораторов, усиленные динамиками, доносились до кустов. Пришелец чувствовал себя в безопасности. Но непрямым путем, наугад выбранный Колей с Удаловым, привел их в скверик. Именно к этой скамейке.

При виде преследователей пришелец затолкал в карман записную книжку, подхватил портфель и хотел было бежать. Но Коля узнал его.

— Стой! — сказал он. — Руки вверх! Не пытайся от нас скрыться!

— И не подумаю, — ответил с достоинством пришелец. — Если вам нужны деньги, возьмите сколько нужно. У меня скромные запросы.

Он попытался вытащить свои новенькие червонцы, но Удалов жестом остановил его.

— Мы не грабители, — сказал он. — Вы не так поняли.

— Мы не грабители, — сказал Коля. — От нас не откупишься. Мы тебя раскололи. Ты к нам из будущего явился. Сознавайся.

Удалов взглянул на Колю с укоризной. Прямота могла все испортить.

— Это неправда, — сказал пришелец. — Вы этого никогда не докажете.

— А нам доказывать не надо, — сказал Коля. — Сейчас тебя осмотрим и найдем при тебе фальшивые документы.

— У меня нет с собой документов, — сказал пришелец. — Они в гостинице остались.

— Они с собой документов не берут, — согласился Удалов. — Это вполне даже разумно. А может, тогда и не будет документов.

— Все? — спросил пришелец. — Я могу идти?

— Сознаешься — пойдешь, — сказал Коля.

— В конце концов, — убеждал Удалов. — Мы тратим время, вы тратите время. А у нас к вам только научный интерес. Никакого другого.

— Точно, — сказал Коля. — Нас тугриками не подкупишь.

Пришелец нахмурился, размышлял. Видно, понял, что ему уже не скрыться и лучше на самом деле показаться. И уйти восвояси.

— Ну, — торопил его Удалов. — Из какого вы века?

Пришелец глубоко вздохнул. Под очками блеснули слезы.

И в этот момент две девушки в брючках и разноцветных кофточках возникли на ступеньках собора.

— Ах, — сказала одна из них, не замечая драматической сцены. — Какие изумительные фрески семнадцатого века. Какая экспрессия!

— А изразцовая печь? Ты видела, Нелли, изразцовую печь?

— Видела. Смотри, кто там, внизу?

Девушки сбежали по ступенькам и устремились к мужчинам.

— Сергей Петрович! — верещали они наперебой. — Вы были совершенно, абсолютно правы! Страшный суд расположен не канонически! Гуслиарская школа существовала! Раппопорт посрамлен!

«Вызвал подкрепление с помощью телепатии, — подумал Удалов. — Теперь их трое, а нас только двое. И эти девушки, может, даже не девушки, а будущие милиционеры».

— Какое счастье! — воскликнул пришелец. — А я уж не надеялся вас увидеть!

— Вам угрожают? — спросила подозрительно одна из девушек, обжигая взглядом Удалова.

— Ни в коем случае, — сказал шофер Коля и потянул Удалова за рукав.

— Сейчас все наши придут, — сказала девушка.

«Сколько их здесь? — подумал Удалов. — Ведь меня могут ликвидировать, если покажусь опасным».

И в самом деле, словно услышав девушку, в дверях храма показались человек десять, с фотоаппаратами, блокнотами и кинокамерами, высокие и низкие, молодые и старые, с ними Елена Сергеевна из городского музея.

— А вот и вы, профессор! — воскликнул один из них. — Сектор истории искусств рад приветствовать своего шефа у этих древних стен.

— Сергей Петрович!

— Сергей Петрович! — неслись возгласы.

— Уважаете своего профессора? — поинтересовался Коля.

— Еще бы, — сказала девушка. — Он нас всех воспитал! Его весь мир знает!

Уходя в окружении учеников и сотрудников, профессор оглянулся и подмигнул Удалову. Доволен был, что отделался от психов.

Корнелий опустил на скамейку, понурился головой. Коля сел рядом, снова закурил и сказал:

— Не повезло нам, друг Корнелий. Хоть идея у тебя была богатая!

— Забыть бы о ней. Ты уж, попрошу, никому ни слова.

— Мне что — я за баранку, только меня и видели. А ты на что рассчитывал? Если бы он и в самом деле оттуда?

— Ну, чтобы рассказал нам о светлом будущем.

— М-да, дела, — сказал Коля. — Я пошел. Ты парень хороший, только кавардак у тебя в чердаке. Еще в школе учили, что таких путешествий быть не может. Держи на память! — Он сунул что-то Корнелию в наружный карман пиджака и ушел. Обернулся, помахал рукой и улыбнулся дружески.

Удалов не спешил возвращаться на площадь. Охоту за профессором мог заметить кто-нибудь из знакомых. Нехорошо. Удалов залез себе в карман, поглядел, что за подарок оставил шофер. Оказалось — карточка, календарик размером с игральную карту, какие предусмотрительные люди носят в бумажниках. На нем было написано золотыми буквами:

«КАЛЕНДАРЬ НА 2075 ГОД»

На обороте картинка — город с длинными домами, над ним парят летательные аппараты и светит солнце. Картинка была объемной, и микроскопические листочки на деревьях чуть шелестели под ветром будущего.

— Стой! — крикнул Удалов в пустоту. Потом сказал: — Эх, Коля!

1970

Мак Рейнольдс НЕРОЖДЕННОЕ ЗАВТРА

Бетти оторвала взгляд от своего журнала и мягко сказала:

— Ты опоздал.

— Не кричи на меня, я себя ужасно чувствую, — ответил ей Саймон. Он сел за свой стол, с отвращением провел языком по губам, застонал и принялся шарить в ящике стола, пытаясь найти пузырек с аспирином.

Он посмотрел на Бетти и произнес сквозь зубы:

— Что мне сейчас нужно, так это отпуск.

— Что ты собираешься сделать, чтобы добыть для этого денег? — спросила Бетти.

— Провидение поможет, — сказал Саймон, возясь с пузырьком аспирина.

— Хм-м-м. Но, прежде чем отправлять тебя в отпуск, было бы неплохо, чтобы провидение помогло нам найти пропавшее кольцо с драгоценным камнем. Скажем, указало на то, что на самом деле рубиновое кольцо упало в раковину и застряло в колене слива. Или что-нибудь еще, что принесло бы нам долларов пятьдесят чистой прибылью.

Саймон возразил печальным тоном:

— Пятьдесят долларов? А почему бы не пятьсот?
— Я не жадная, — объяснила Бетти. — Я всего лишь хочу, чтобы мне выплатили зарплату за эту неделю.
— Деньги... — процедил Саймон. — Когда ты бралась за эту работу, ты говорила, что она так романтична.
— Хм-м-м. Я же не знала, что большая часть работы сыщика сводится к тому, чтобы шнырять по универсам и следить за продавцами.
Саймон удовлетворенно изрек:
— Теперь ты это знаешь.

В дверь постучали.
Бетти подпрыгнула с олимпийской ловкостью и широко распахнула дверь прежде, чем стук затих.
Посетитель оказался старым, маленьким, с выпученными глазами за стеклами пенсне. Его костюм был сшит в стиле прошлых лет, но, если костюм стоит двести или триста долларов, вы все равно сохраняете исключительность независимо от стиля.
— Доброе утро, мистер Устриц, — без особого энтузиазма произнес Саймон. Он указал на стул для клиентов. — Садитесь, сэр.
Клиент с помощью Бетти взобрался на стул, выпучил глаза на Саймона и наконец сказал:
— Вы знаете мое имя? Это довольно странно. Никогда в жизни вас не видел. Перестаньте возиться со мной, юная леди. Ваше объявление в телефонном

справочнике говорит, что вы беретесь расследовать все что угодно.

— Все что угодно, — сказал Саймон. — Только за одним исключением...

— Отлично! Вы верите в путешествия во времени?

Саймон ничего не ответил. В другом конце комнаты, заняв свое место, Бетти кашлянула. Саймон продолжал молчать, и она решилась:

— Путешествия во времени невозможны.

— Почему?

— Почему?

— Да, почему?

Бетти обратилась за помощью к своему боссу. Но помощи не последовало. Нужно найти очень быстрый и точный ответ. Она сказала:

— Ну, во-первых, из-за парадокса. Предположим, у вас есть машина времени, вы перенеслись на сто лет назад и убили собственного прадеда. Тогда как же вы вообще можете родиться?

— Будь я проклят, если знаю, — проворчал маленький человек. — Как?

— Давайте перейдем к делу, — перебил его Саймон. — Зачем вы хотели меня видеть?

— Я хочу нанять вас, чтобы вы поймали для меня нескольких путешественников во времени, — сказал старик.

Бетти уже слишком далеко зашла, чтобы продолжать играть подобающую ей роль молчаливой секретарши.

— Путешественников во времени, — передразнила она не очень уважительно.

Потенциальный клиент выпрямился на стуле, очевидно с намерением долго говорить. Он снял пенсне и направил его на Бетти.

— Много вы читали научной фантастики, мисс? — спросил он.

— Много, — призналась Бетти.

— Тогда вы понимаете, что существует дюжина объяснений парадоксов путешествий во времени. Каждый писатель, съевший пуд соли в этой области, объяснял их. Но надо идти дальше. Я утверждаю, что примерно через столетие человек решит проблемы бессмертия и вечной молодости, а также подозреваю, что в конечном итоге он сможет путешествовать во времени. Я настолько убежден в таких возможностях, что готов потратить часть своего состояния, чтобы исследовать присутствие в нашей эре путешественников во времени.

Саймон, казалось, был не в силах поддерживать разговор, поэтому Бетти продолжила:

— Но... мистер Устриц, если в будущем так развиты путешествия во времени, почему мы никогда не встречали этих путешественников?

— Простое объяснение, Бетти, заключается в том, — вставил слово Саймон, — что они не могут позволить себе изменить пространственно-временной континуум. Если бы, скажем, путешественник во времени вернулся в период двадцатипятилетней давности

и застрелил Гитлера, то вся последующая история изменилась бы. В этом случае сам путешественник во времени может никогда не родиться. Они должны действовать очень осторожно.

Мистер Устриц был доволен.

— Я не ожидал, что вы так хорошо осведомлены в этом вопросе, молодой человек.

Саймон пожал плечами и снова принялся возиться с пузырьком аспирина.

Мистер Устриц продолжал:

— Я уже некоторое время обдумываю этот вопрос, и поэтому...

Саймон поднял руку:

— Нет смысла затягивать этот разговор. Насколько я понимаю, вы — пожилой джентльмен со значительным состоянием и осознаете, что до сих пор никому не удалось взять его с собой...

Мистер Устриц вернул пенсне на место, выпучил глаза на Саймона, но затем кивнул.

— Вы хотите нанять меня, чтобы я нашел путешественника во времени и тем или иным способом — любым способом! — выпросил у него тайну вечной жизни и молодости, которую, как вы полагаете, откроют в будущем, — продолжил Саймон. — Вы готовы пожертвовать частью своего состояния, если я доставлю вам настоящего путешественника во времени.

— Правильно!

Бетти переводила взгляд с одного на другого и наконец жалобно сказала:

— Но где же вы собираетесь найти такого человека, особенно если путешественники из будущего заинтересованы в том, чтобы их не нашли?

Старик почувствовал себя в центре внимания.

— Я же сказал вам, что уже давно подумываю об этом. Октоберфест — вот где они будут! — Похоже, у него поднялось настроение.

Бетти и Саймон ждали.

— Октоберфест, — повторил он. — Величайший фестиваль, который когда-либо видел мир; все прочие карнавалы, феерии, фиесты — не чета ему! Каждый год он проводится в Мюнхене. По сравнению с ним новоорлеанский Марди-гра выглядит семейной вечеринкой. — Посетитель начал погружаться в дух своего описания. — Первоначально он начался с празднования свадьбы какого-то местного принца полтора столетия назад, когда баварцы так потрясающе провели время, что с тех пор проводят Октоберфест каждый год. Мюнхенские пивоваренные заводы делают специальное пиво, они называют его «марценброй», и каждая пивоварня открывает на Ярмарочной площади огромный шатер, который вмещает пять тысяч человек одновременно. Там выпиваются миллионы литров пива, съедаются сотни тысяч цыплят-барбекю, небольшое стадо быков, жаренных целиком на вертелах, миллионы пар вайсвюрст — особенных местных сосисок, миллионы и миллионы брецелей — кренделей...

— Хорошо, — сказал Саймон. — Мы поняли. Октоберфест — это один из китов среди вечеринок.

— Ну, — продолжил старик, возвращаясь к своей теме, — вот где они могли бы быть, так это в таком месте, как Октоберфест. Во-первых, путешественник во времени не будет бросаться в глаза. На таком празднике, как этот, некто со странным акцентом, или тот, кто неправильно носит свою одежду или необычен чем-то еще, не будет замечен. Ты можешь быть четырехруким космическим пришельцем с Марса, и все равно тебя не заметят на Октоберфесте. Люди подумают, что у них белая горячка и галлюцинации.

— Но зачем путешественнику во времени ехать в... — начала Бетти.

— А почему бы и нет! Разве есть лучшая возможность изучить людей, чем в то время, когда они пьяны? Если бы вы могли попасть на несколько тысяч лет назад, то вы захотели бы увидеть Римский триумф, обряды Диониса или одну из оргий Александра. Вам бы не захотелось бродить, скажем, по улицам Афин, когда ничего не происходит, особенно когда вас могут раскрыть как подозрительную личность, не умеющую говорить на местном языке, не знающую, как носить одежду, и не знакомую с планировкой города. — Он сделал глубокий вдох. — Нет, мэм, вы должны были бы придерживаться какого-то великого события, как

ради реального интереса, так и для защиты от разочужения.

Старик был на взводе.

— Ну вот и вся история. Каковы ваши расценки? Октоберфест начнется в пятницу и продлится шестнадцать дней. Вы можете сесть на самолет до Мюнхена, провести там неделю и...

Саймон покачал головой.

— Не интересуется.

Бетти с отвисшей челюстью удивленно уставилась на него.

Мистер Устриц был ошарашен.

— Послушайте, молодой человек, я понимаю, что это не совсем обычное задание, однако, как я уже сказал, я готов рискнуть значительной частью своего состояния...

— Извините, — сказал Саймон. — Это невозможно.

— Сто долларов в день плюс расходы, — тихо предложил мистер Устриц. — Вы уже проявили некоторый интерес и осведомленность в этом вопросе. Мне понравилось, что вы уже знали мое имя, когда я вошел в дверь, хотя моя фотография не часто появляется в газетах.

— Ничего не выйдет, — сказал Саймон с печалью в голосе.

— Премия в пятьдесят тысяч долларов, если вы привезете мне путешественника во времени.

— Об этом не может быть и речи, — сказал Саймон.

— Но почему? — завопила Бетти.

— Давайте я расскажу вам забавную историю, — кисло сказал Саймон им двоим. — Просто ради смеха. Дело было так...

* * *

Я получил от мистера Устрица (начал рассказ Саймон) тысячу долларов в качестве аванса и, оставив его с Бетти, которая выписывала квитанцию, поехал домой собирать чемодан. Черт, я же все равно хотел отдохнуть! По дороге в Айдлуайлд¹ я заехал в справочное бюро Германии за туристическими брошюрами.

Перелет из Айдлуайлда до Гандера² занял примерно три с половиной часа. Я потратил это время на планирование своих предстоящих развлечений.

От Гандера до Шаннона³ лететь примерно семь с половиной часов, и все это время я придумывал материал, который мог бы включить в отчет для мистера Устрица. Я собирался сдать ему какой-никакой отчет за его же деньги. Путешествие во времени! Смех да и только!

Между Шанноном и Мюнхеном у меня зародилось слабое подозрение. В туристической брошюре о Мюнхене я увидел статистические сведения об Октоберфесте. Ежегодно его посещает пять миллионов человек!

Откуда берутся пять миллионов человек на этом великовозрастном фестивале в сравнительно отдаленной Южной Германии? Туристический сезон явно заканчивается раньше 21 сентября, первого дня гигантско-

го пивного бума. Да и немцы не могут составить такой толпы. В самом Мюнхене менее миллиона человек, включая детей.

А эти миллионы галлонов пива, сотни тысяч кур, стада быков! Кто же может потратить столько денег? Как может это позволить себе средний немец с его двадцатью пятью долларами в неделю?

В Мюнхене не оказалось свободных мест в гостиницах. Я пошел на вокзал, где была гостиничная служба, и подал заявку. Они записали мое имя, положили в карман скромную взятку, показали мне, где я могу оставить свой багаж, сказали, что сделают все, что смогут, и предложили вернуться через несколько часов.

У меня снова возникло подозрение. Если пять миллионов человек посещают этот пивной бедлам, где они размещаются?

Ярмарочная площадь Терезин луг находилась всего в нескольких кварталах от вокзала. Я одеревенел от самолета, поэтому пошел пешком.

В Мюнхене семь крупных пивоваров, каждый из которых представлен одним из огромных цирковых шатров, о которых упоминал мистер Устриц. В каждом шатре стояли скамейки и столы примерно на пять тысяч человек, но набивалось туда, в борьбе за место, до десяти тысяч. В центре — огромная эстрада, все музыканты в ледерхозенах — баварских кожаных

штанах, музыка тоже баварская, как и в любом баварском пивном баре. Сотни одетых как крестьянки девушек носились вокруг столов с глиняными литровыми кружками, блюдами с курицей, сосисками, квашеной капустой и кренделями.

Наконец я нашел место за столом, за которым уместилось двадцать с лишним пивохлебов. Именно «с лишним». За столом оказался самый странный набор немцев и иностранных туристов, какой только можно было себе вообразить: начиная от семидесяти- или восьмидесятилетней пары в баварских костюмах и кончая лысым пьяницей напротив меня.

Мимо пронеслась официантка с шестью кружками пива в каждой руке. Кстати, они называют их масса-ми, а не кружками. Лысый человек и я одновременно подняли палец, и она двинула к нам два масса, а затем поспешила дальше.

— До дна! — произнес лысый, поднимая свой масс.

— За дам! — поддержал я его. И перед тем, как начать потягивать пиво, сказал: — Знаешь, в туристических брошюрах говорится, что в этой штуке восемнадцать градусов. Это чепуха. Не бывает настолько крепкого пива. — И я сделал большой глоток.

Он выжидающе посмотрел на меня.

Я допил пиво.

— Я был не прав, — признался я.

Один или два масса спустя он внимательно посмотрел на название, выдавленное на его глиняной кружке.

— «Левенброй», — сказал он. Достал из кармана маленькую записную книжку и карандаш, записал это слово туда и вернул вещи в карман.

— Какой у тебя странный карандаш, — сказал я ему. — Немецкий?

— Венерианский, — сказал он. — Ой, прости. Не стоило так говорить.

Я никогда не слышал ничего подобного, поэтому пропустил мимо ушей.

— Следующее — «Хофброй», — сказал он.

— Что следующее? — Разговор с лысым, похоже, складывался не очень гладко.

— Мое странствие, — объяснил он мне. — Всю свою жизнь я мечтал попасть на Октоберфест и попробовать каждый из семи сортов лучшего пива, которое когда-либо знал мир. Я дошел только до «Левенброя». Боюсь, я никогда не смогу исполнить свою мечту.

Я прикончил свою кружку.

— Я помогу тебе, — сказал я ему. — Это очень благодарное начинание. Меня зовут Саймон.

— Арт, — представился он. — Как ты сможешь помочь?

— Я все еще свеж... сравнительно. Я проведу тебя вокруг. Здесь семь пивных шатров. Сколько ты уже обошел?

— Два, считая этот, — признался Арт.

Я посмотрел на него и сказал:

— Это будет тяжелая работа. Но начало уже положено.

Снаружи, когда мы шли к следующему шатру, ярмарка показалась мне такой же, как и любая большая ярмарка в Штатах, которую я когда-либо видел, за исключением, правда, того, что она была куда больше. Игры, сувенирные киоски, лавки с сосисками, аттракционы, цирковые шоу и люди, люди, люди...

Шатер «Хофброй» был так же переполнен, как и предыдущий, но нам удалось найти два места.

Гремел оркестр, и пять тысяч полусорванных голосов были ему ревушим аккомпанементом:

Хофбройхаус в Мюнхене!

Раз, два, выпьем!

Все поднимали кружки и пили за здоровье друг друга.

— Это то, что я называю: пиво льется рекой, — сказал я одобрительно.

Арт махнул рукой официантке. Здесь, как и в шатре «Левенброй», литровая кружка была самой маленькой из возможных.

Спустя одно пиво, я сказал:

— Я не знаю, сделаешь ли ты это или нет, Арт.

— Сделаю что?

— Все семь палаток.

— Ох...

Мимо проходила официантка, кружки пенились по краям. Я жестом попросил ее принести еще.

— Откуда ты, Арт? — спросил я его, чтобы поддержать разговор.

— 2183.

— 2183 — это где?

Он посмотрел на меня, прикрыл один глаз, чтобы лучше сфокусировать зрение.

— О! — сказал он. — Ну, Сауф-стрит 2183... Нью-Альбукерке.

— Нью-Альбукерке? Где это?

Арт задумался. Сделал еще один большой глоток пива.

— Прямо напротив старого Альбукерке, — выдавил он наконец. — Может быть, нам пора отправляться в палатку «Пшоррброй»?

— Может быть, нам стоит сначала что-нибудь съесть, — сказал я. — Я начинаю чувствовать голод. Мы можем заказать немного жареной говядины.

Арт в страдании закрыл глаза.

— Я — вегетарианец, — простонал он. — Не могу есть мясо. Это варварство. Тьфу!

— Но нам нужно подкрепиться, — настаивал я.

— В пиве должно содержаться много питательных веществ.

Это было не лишено смысла. Я крикнул:

— Фройлен! Еще два пива!

Где-то вокруг клубился туман. Когда он рассеялся, я поймал себя на том, что закрываю один глаз, чтобы лучше прочитать надпись на моей глиняной кружке. На ней было написано: «Августинерброй». Очевидно,

мы каким-то образом перебрались из одного шатра в другой.

— Где твой отель? — спросил Арт.

Это был правильный вопрос. Я немного подумал и наконец ответил:

— У меня его нет. Город набит битком. Я оставил сумку на вокзале. Я не думаю, что у нас когда-нибудь получится, Арт. Сколько нам еще нужно обойти?

— Потерял счет, — сказал Арт. — Ты можешь пойти ко мне.

Мы выпили за это, и снова навалился туман.

Когда туман рассеялся, было уже светло. Яркий, ослепительный, ужасный дневной свет. Я лежал полностью одетый на одной из двух кроватей. На другой кровати, также полностью одетый, лежал Арт.

Солнечного света было слишком много. Я поднялся с кровати, спотыкаясь, подошел к окну и пошарил в поисках жалюзи или занавески. Но их не было.

Позади меня раздался голос, полный ужаса:

— Кто?.. Как?.. О, черт, откуда ты взялся?

Глядя на окно, я быстро понял, что немцы, безусловно, самые современные люди в мире. Но я не мог выносить этот свет.

— Где же тень? — простонал я.

Арт что-то сделал, и окно стало непрозрачным.

— Ну и техника, — сказал я. — Если бы я не чувствовал себя так паршиво, я бы это оценил.

Арт сидел на краю кровати, обхватив руками лысую голову.

— Теперь я вспомнил, — печально сказал он. — У тебя не было гостиницы. Какая глупость. Но я буду последовательным. Последовательным до самого конца.

— У тебя ведь нет пригоршни аспирина? — спросил я его.

— Минуточку, — откликнулся Арт, выпрямляясь и направляясь к тому, что, несомненно, было ванной комнатой. — Оставайся на месте. Не двигайся. Ничего не трогай.

— Ладно, — жалобно сказал я ему. — Я чист. Я не буду портить это место. Все, что у меня есть, — это похмелье, а не вши.

Арт исчез. Он вернулся через две-три минуты с коробочкой таблеток в руке.

— Вот, возьми одну из них.

Я проглотил таблетку, запил ее стаканом воды.

И погас, как свет.

Арт тряс меня за руку.

— Хочешь еще один масс?

Гремел оркестр, и пять тысяч полусорванных голосов были ему ревушим аккомпанементом:

Хофбройхаус в Мюнхене!

Раз, два, выпьем!

Все поднимали кружки королевского размера и пили за здоровье друг друга.

Моя голова раскалывалась.

— Я уже приходил сюда... или что-то... — простонал я.

— Прошлой ночью, — сказал Арт. Он посмотрел на меня поверх своей кружки с пивом.

Что-то было не так. Но мне было все равно. Я закончил масс и тогда вспомнил.

— Мне нужно забрать мою сумку. О, моя голова. Где мы провели прошлую ночь?

— В моей гостинице, разве ты не помнишь? — спросил Арт, и в его голосе прозвучала настороженность.

— Не очень отчетливо, — признался я. — Я чувствую себя паршиво. Должно быть, я отключился. Мне нужно съездить на вокзал и забрать свой багаж.

Арт не стал спорить. Мы попрощались, и я чувствовал, как он смотрел мне вслед, пока я пробирался между столиками к выходу.

На вокзале мне ничем не смогли помочь. В Мюнхене не было свободных номеров в гостиницах. Голова с каждой минутой становилась все хуже. Не помог даже тот факт, что на вокзале каким-то образом умудрились потерять мою сумку. Я пытался найти ее по меньшей мере пару часов. Мало того, что не было сумки в камере хранения багажа, но и служащий там, очевидно, ни черта не мог разобрать в квитанции. Он не говорил по-английски, а мой школьный немецкий был бесполезным, особенно в сочетании с мучительным похмельем.

Я ничего не добился, хотя рвал на себе волосы и бегал жаловаться по всему вокзалу. Я поставил крест на своей сумке.

И голова с каждой минутой становилась все хуже. Глаза налились кровью, и вместо бабочек у меня в животе были летучие мыши. Поверьте мне, никто не сможет выпить без последствий галлон «марценброя».

Я решил: к черту все это! Я доехал на такси до аэропорта, предъявил обратный билет и сказал, что хочу улететь первым же рейсом в Нью-Йорк. Я провел два дня на Октоберфесте, и с меня хватит!

И тут случилась новая неприятность. Что-то оказалось не так с моим билетом: не та дата или нечто в этом роде. Но это смогли исправить. Я так и не понял, в чем было дело, очевидно, ошибка какого-то клерка.

Обратный путь вышел таким же неинтересным, как и предыдущий. Когда похмелье начало понемногу проходить, я почти пожалел, что не остался. Если бы я только смог снять комнату, я бы остался, сказал я себе.

Из Айдлуайлда я отправился напрямиком в офис, а не к себе домой. Я решил, что мне лучше посоветоваться с Бетти.

Я открыл дверь и увидел там мистера Устрица, сидящего в кресле, которое он занимал четыре (или пять?) дней назад, когда я уезжал. Я потерял счет времени.

— Рад, что вы здесь, сэр, — сказал я ему. — Зачем же вы пришли? Не терпится узнать, есть ли у меня какие-нибудь результаты? Я могу отчитаться.

У меня голова шла кругом, как вращающаяся дверь. Я потратил кучу его денег и не мог ничего придумать, чтобы отчитаться за них; ничего, кроме последних стадий ужасного похмелья.

— Зачем пришел? — Мистер Устриц фыркнул. — Я просто жду, когда ваша девушка выпишет мне квитанцию. Я думал, вы уже уехали.

— Ты опоздаешь на самолет, — сказала Бетти.

Внезапно у меня похолодело в животе. Я подошел к своему столу и посмотрел на календарь.

Мистер Устриц говорил, что если я не уеду сегодня, то это случится только завтра, а он не готов платить аванс в тысячу долларов за не самое срочное обслуживание. Сунув квитанцию в бумажник, он торопливо направился к двери.

— Надеюсь, ты не меняла этот календарь с тех пор, как я уехал, — с надеждой в голосе сказал я Бетти.

— Что с тобой случилось? Ты выглядишь странно. Почему твоя одежда такая грязная? Ты сам оторвал верхний лист от календаря не более получаса назад, как раз перед тем, как пришел этот странный клиент. — И она неуместно добавила: — Еще и путешественники во времени.

Я попробовал еще раз:

— А когда ты впервые увидела этого мистера Устрица?

— Никогда в жизни его не видела, — сказала она, — до тех пор, пока он не пришел сегодня утром.

— Сегодня утром... — простонал я слабым голосом.

В то время как Бетти смотрела на меня так, словно я нуждался в том, чтобы меня отправили к мозгоправу, я порылся в кармане в поисках бумажника, пересчитал содержимое и поморщился от жалких остатков тысячи.

— Бетти, послушай, — взмолился я. — Как давно я вышел из этой двери — по дороге в аэропорт?

— Ты все утро ведешь себя как больной. Ты вышел из этой двери около десяти минут назад, отсутствовал минуты три, а затем вернулся.

* * *

— Послушайте, молодой человек, — сказал мистер Устриц (прерывая рассказ Саймона). — Вы сказали, что это должно быть забавно? Я так не считаю. На самом деле, я уверен, что меня разыгрывают.

Саймон пожал плечами, приложил руку ко лбу и сказал:

— Это только первая глава. Есть еще две.

— Меня это больше не интересует, — отрезал мистер Устриц. — Полагаю, вы хотели показать мне, насколько нелепа вся эта затея. Очень хорошо, вы это сделали. Черт побери! Однако я полагаю, что ваше время, даже проведенное таким образом, имеет некоторую цену. Вот пятьдесят долларов. И доброго дня, сэр!

Он вышел и захлопнул за собой дверь.

Саймон поморщился от грохота, достал из ящика пузырек с аспирином, взял две таблетки и запил их водой из графина на столе.

Бетти посмотрела на него с восхищением. Она встала, подошла к столу и взяла пятьдесят долларов.

— Недельное жалованье, — сказала она. — Полагаю, это один из способов позаботиться о сумасшедшем. Но я удивлена, что ты не взял его деньги, чтобы насладиться отпуском, о котором так мечтал.

— Я так и сделал, — простонал Саймон. — Трижды.

Бетти уставилась на него.

— Ты хочешь сказать...

Саймон с несчастным видом кивнул.

— Но Саймон, — сказала она. — Пятьдесят тысяч долларов премиальных. Если эта история была правдой, тебе нужно вернуться в Мюнхен. Если существует хоть один путешественник во времени, то, возможно, было бы...

— Повторяю тебе, — с горечью произнес Саймон. — Я возвращался туда три раза. А мог бы и сотни. Или тысячи. — Он глубоко вздохнул. — Послушай, мы просто обязаны забыть об этом. Они не собираются мириться с нарушением пространственно-временного континуума. Если что-то происходит, что может привести к его изменению, они возвращают тебя в начало и позволяют начать все заново — для тебя — снова и снова. Они просто не могут допустить, чтобы кто-то пришел из будущего и изменил прошлое.

— Ты хочешь сказать, — Бетти внезапно разозлилась на него, — что ты сдался? Почему? Разве пятьдесят тысяч долларов — это ерунда? Будущее! Только подумай!

— Есть только одна вещь, которую можно принести с собой из будущего, — устало сказал Саймон, — похмелье, смешанное с галлоном «марценброя». Более того, можно сложить одно поверх другого, а другое поверх этого!

Он содрогнулся.

— Если ты думаешь, что я еще раз попробую эту карусель и навалю четвертую порцию похмелья на те три, которые уже во мне, то ты ошибаешься.

1959

© Перевод с английского Михаила Манакова, 2020

-----
¹ Айдлуайлд — прежнее название нью-йоркского аэропорта имени Джона Кеннеди.

² Гандер — город в Канаде, на острове Ньюфаундленд.

³ Шаннон — аэропорт в Ирландии.